

Такое своеволие и бахвальство очень скоро всерьёз разозлили семейство Чжэн. Повидавшись со мной один раз, они больше не пожелали приходить. Муж мой, Чжэн Бо, поначалу держался миролюбиво, несколько раз мягко намекал, чтобы я была к старшим чуть почтительнее — не то чтобы кланяться, но по крайней мере не допускать, чтобы старшие кланялись мне. Я на словах соглашалась, а когда люди являлись, снова пускала в ход старые приёмы. После нескольких таких случаев у Чжэн Бо в душе всё же накопилась обида, но открыто ссориться со мной он не решался, так что в негодовании съехал обратно в родовое поместье, поселившись в доме старшего брата.

Так в обширной усадьбе остался лишь один хозяин — я.

Мне нравилось это чувство. В первый день после отъезда мужа я отослала прислугу и в одиночестве обошла все строения, башни, террасы и павильоны.

Отец строил для меня резиденцию «первого разряда» — то есть высшего класса среди жалованных усадеб. Но на деле при строительстве её намного превзошли обычные пожалования. Все кирпичи, камни, дерево, утварь, растения и цветы либо были перенесены прямо из запретного города, либо сделаны по образцам внутренних дворцов. Во многих тонких и искусных деталях она даже превосходила внутренние покои.

После кончины отца мать поручила надзирать за строительством усадьбы старшему брату У Саньсы, У Шэньсы, и нежданно-негаданно уровень моей резиденции поднялся ещё на ступень. Главные ворота и зал для приёмов были ещё не слишком вычурными, узоры и резьба — вполне в рамках правил. Зато внутри извивались галереи, одних больших покоев было несколько десятков, а беседок, террас, башен и павильонов и вовсе не счесть. В задней части усадьбы было шесть садов: четыре с пейзажами на тему четырёх сезонов, где в изобилии росли редкие сорта пионов, хризантем, слив и прочего, дабы каждый месяц можно было любоваться видом и забавляться цветами. Ещё два сада: один — просторный и открытый, внутри насыпана земляная площадка для игры в мяч, где могли состязаться две команды по десять всадников, а рядом, в подражание пруду Тайе, выкопан пруд, глубиной не выше пояса, но достаточно широкий, чтобы плавали четыре лодочки; другой — миниатюрный и изящный, все пейзажи в точности копировали внутренний двор чертога Пэнлай.

В квартале Синдао было много усадеб знатных и богатых семей, по занимаемой площади некоторые даже превосходили мою. Но по высоте ограды никто не мог со мной сравниться. И по числу слуг, мальчиков-прислужников и служанок тоже никто меня не превосходил.

Но в других домах жили целыми семьями и кланами, а моя усадьба обслуживала не только меня одну. Всё — будь то еда, сон, прогулки по саду, игры, чтение, письмо, верховая езда, игра в мяч... — было лишь для меня одной. Это чувство было словно в прошлой жизни, на каникулах, когда все разъезжались по домам, а я одна оставалась в общежитии: одна ела, одна жила, одна ходила в библиотеку. Только на сей раз общежитие было куда просторнее и... куда более одиноким.

А та, что живёт во дворце, ещё больше моего дома, — испытывает ли она подобное? Или же теперь, когда у неё есть муж, сын, отец стал правителем области, единоутробный брат сделал карьеру, она обрела всё, чего желала, и живёт счастливо и благополучно? Не знаю.

Как бы близко к императорскому городу ни находился квартал Синдао, это всё же место за пределами дворцовых стен. Я стала гунчжу, покинувшей дворец, а она — сюнцзыфэй, вошедшей во дворец, готовящейся к возведению в хуанхоу. Даже если мать сместит хуанди, она уже принадлежит дворцу. Мы разделились не только пространственно, на внутреннее и

внешнее, но и по законам родства, на близких и дальних.

Не знаю, когда мать начнёт действовать и что будет с Ли Жуем. У матери всего два сына, Ли Жуй младший, так что, пожалуй, с ним не станут обращаться слишком сурово? А в той другой истории как императрица У поступила со свергнутым императором? Кажется... сослала?

Я вдруг осознала, что упустила одну важную вещь.

Если Ли Жуя сместят, его либо заключат под домашний арест, либо сошлют. А Вэй Хуань как его главная жена в случае ссылки непременно последует за ним.

Ссылка в наше время — вовсе не то, что путешествие в цивилизованном обществе. Не говоря уже об усталости от пути в сотни и тысячи ли верхом на осле или лошади, не говоря о скудости ресурсов и нехватке врачей и лекарств за пределами столицы, где даже лёгкая болезнь может легко свести человека в могилу. В глухих окраинах, куда вести доходят с трудом, стоит в столице случиться чему-то, и заговорщикам достаточно подделать один указ или послать несколько убийц-смертников, чтобы легко погубить Ли Жуя и Вэй Хуань на месте. Такой риск, даже если мать готова его принять, я ни в коем случае не допущу.

Ли Жуй — кровь от крови матери, о его безопасности ещё многие пекутся, многие готовы, не щадя жизни, защищать его. А Вэй Хуань — всего лишь приложение к Ли Жую, жива она или мертва — никому по сути нет дела. Защищать её некому. Кроме меня.

А я могу защитить её, только пока она в столице.

Так или иначе, я должна удержать её в столице. Рядом с собой.

****Примечание автора:**** Чёрт... Мельком перепутала кварталы Аньжэньфан и Синдаофан, получился Андэфан... Исправлено.

На третий день после того, как муж Чжэн Бо вернулся в свой дом, сюнцзыфэй Вэйши велела позвать меня во дворец.

Благоприятный день для возведения в хуанхоу назначили на седьмой месяц. До церемонии она пока временно проживала в Восточном дворце, исполняя обязанности хуанхоу от имени сюнцзыфэй. Задние покои покойного отца и так были тихими, а теперь большинство наложниц и вовсе выселили из дворца. Ли Жуй, хоть и был ветреным, но официально взял в жёны и дал статус лишь одной Вэй Хуань, так что во внутренних покоях царили затишье и гладь. Что касается внешних дел — приёмов жён чиновников, пожалований, выражений благодарности и прочего, — хотя они и многочисленны, мать, став вдовствующей императрицей, сознательно или бессознательно по-прежнему держала в руках полномочия хуанхоу, не позволяя другим вмешиваться. Поэтому после восшествия на престол нового императора Вэй Хуань как сюнцзыфэй, напротив, стала ещё более свободной. Главной её обязанностью теперь было прислуживать матери. Вызвав меня во дворец, она и не думала чваниться положением сюнцзыфэй, а прямо велела мне явиться к матери.

Я не видела мать уже почти десять дней, поэтому дворцовые служанки в чертоге Цзычэнь встретили меня крайне радушно. Даже те, кто обычно не занимался докладами, наперебой выкрикивали в глубину покоев: «Чанлэ-гунчжу прибыла!» Меня даже не заставили ждать, с десяток человек буквально втолкнули внутрь. Я ещё не успела совершить поклон, как мать уже подозвала меня, окинула взглядом, улыбнулась и кивнула, с лёгким укором сказав: «Выйдешь из дворца — и так быстро забываешь свою анян? Сколько дней — и ни единого письма. Если бы не невестка позвала, боюсь, я бы тебя и не увидела».

Вообще-то накануне я уже подавала прошение о встрече с сюнцзыфэй, но Вэй Хуань под благовидным предлогом отказала. С тех пор как в тот день она ушла из чертога Линци, наши отношения стали чисто формальными: во время траура она присылала людей проведать меня, если мне было нездоровилось, вызывала моих служанок и расспрашивала о подробностях, при моём переезде отправляла поздравителей с щедрыми дарами и ободряющими словами. Я же, со своей стороны, согласно церемониалу, являлась к ней в рядах жён чиновников, по правилам подавала благодарственные таблички или, следуя обычаю, посылала людей осведомиться о самочувствии будущей императрицы. Мы ни разу не виделись наедине, и даже встречаясь у матери, лишь кивали друг другу и обменивались парой сухих официальных фраз.

Я знала, что она ненавидит меня. Не только из-за моего безрассудного поступка за ширмой в тот день, но и из-за пропасти в статусе, существовавшей между нами с самого рождения. Та любовь, которой меня окружали с рождения, и вправду могла заставить многих — и связанных, и не связанных со мной — возненавидеть меня, а могущество матери лишь подпитывало эту ненависть.

Большинство моих родственниц поддерживали со мной ровные, ничем не примечательные отношения, да и те стали ещё прохладнее в этом году, когда родители устроили мне пышную свадьбу, пожаловали усадьбу в квартале Синдао, а Ли Жуй то и дело увеличивал число моих пожалованных дворов и осыпал щедрыми наградами. Даже две мои тётки, Цинхэ и Синьань, с которыми я раньше ещё могла поговорить, теперь при встрече не могли удержаться от колких шуток, не говоря уж об остальных.

Но ненависть Вэй Хуань ко мне, пожалуй, отличалась от ненависти этих людей. Раньше я не понимала, но в последнее время, живя в одиночестве, постепенно начала что-то улавливать.

И в прошлой жизни, и в этой я никогда по-настоящему не выходила из-под родительской опеки. Родители в обеих жизнях, хоть и различались статусом и характером, относились ко мне как к жемчужине в ладони, от еды, одежды, жилья до положения и будущего — всё, что могли, отдавали мне без остатка. В этой жизни мать, из-за моей болезни сердца, с детства меня особенно баловала, все тёмные, грязные стороны жизни, даже такие обычные для этой эпохи вещи, как избиение палками до смерти или резня в городах, — всё это она не желала допускать до моих ушей. Я никогда по-настоящему не страдала и не трудилась, за тридцать с лишним лет самая большая моя печаль была не сравнима с жизнью и смертью — такая «мелочь», как то, что подруга стала невесткой.

<http://bllate.org/book/16278/1466897>